ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

3

МАРТЪ. 1957 MARCH

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово на Благовѣщеніе 1931 г. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Благовѣщенскій жаворонокъ. Стихотвореніе Ив. Новгородъ-Сѣверскаго 5
Праздникъ въ воспоминаніе Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы. Стихотвореніе Ив. Новгородъ-Сѣверскаго 5
Дорожный посохъ. В. Никифорова-Волгина. 6
Стихотвореніе Ксеніи Орѣховой-Галущенко. 22

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе преп. отца нашего Герасима. 23
Страданіе преподобномуч. Конона съ сыномъ его Конономъ. 25
Страданіе сорока св. муч., въ Севастіи Армянской умученныхъ. 26

Училище благочестія.

Стіхъ о лѣствицѣ. Д. А. 28
Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова. О покаяніи 31

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ МОНАСТЫРЯ.

ВЕЛИКІЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — содержитъ: **Часословъ, Воскресный Октоихъ,** и **Общую Минею** съ канонами, а также воскресныя чтенія апостола, 588 стр. Цѣна въ листахъ 8 долларовъ, въ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 12 долл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ, книга первая, — содержитъ всѣ чинопослѣдованія **Праздничной Минеи** за первое полугодіе церковно-богослужебнаго года: мѣсяцы, сентябрь — февраль (отъ Рождества Пресвятыя Богородицы до Срѣтенія Господня). 520 стр. Цѣна въ листахъ 7 долл. въ переплетѣ съ зол. тисненіемъ 10 долл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ книга вторая, — содержитъ всѣ чинопослѣдованія **Праздничной Минеи** за второе полугодіе церковно-богослужебнаго года: мѣсяцы, мартъ — августъ (отъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и кончая службой св. бл. вел. кн. Александру Невскому 30 авг.). 346 стр. Цѣна въ листахъ 6 доллар., въ переплетѣ съ зол. тисненіемъ 8 доллар.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ **Тріодь постная, — содержитъ полностью службы всей первой седмицы Великаго Поста и всей Страстной седмицы,** а равнымъ образомъ въ ней помѣщены полностью всѣ каноны и всѣ положенные по уставу трипѣснцы. 608 стр. Цѣна въ листахъ 9 доллар., въ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 14 долларовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, **Тріодь цвѣтная** — 10.00 дол. въ переплетѣ. Въ листахъ — 7.00 долларовъ.

Слово на Благовѣщеніе 1931 г.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

Праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы всегда бываетъ или среди поста, или на Пасхѣ, а потому онъ не имѣетъ попразднства: другіе дванадесятые праздники празднуются по нѣсколько дней, а Благовѣщеніе — только два дня, или, какъ въ настоящемъ году, только одинъ день. Однако, праздникъ сей какъ то особенно торжественъ и какъ бы особенно выдается изъ числа остальныхъ праздниковъ въ честь Пресвятой Богородицы.

Въ праздничномъ тропарѣ день Благавѣщенія называется «нашего спасенія главизною», т.е. началомъ нашего спасенія, называется явленіемъ отъ вѣка сокровенной тайны, т.е. тайны воплощенія Сына Божія для спасенія рода человѣческаго. «Сынъ Божій сынъ Дѣвы бываетъ», говорится тамъ, т.е. Сынъ Божій дѣлается сыномъ Дѣвы, ибо, по смыслу Евангельскаго повѣствованія, когда Пресвятая Дѣва Марія, выслушавъ благовѣствіе Архангела Гавріила, сказала: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему, — съ того времени Она зачала во чревѣ Превѣчнаго Младенца.

Праздникъ Благовѣщенія выдѣляется изъ среды прочихъ праздниковъ таинственностью празднуемаго событія. Прочіе праздники въ честь Пресвятой Богородицы изображаютъ событія, въ которыхъ участвуютъ многія окружающія Ее лица: Ея родители, родственники, праведный Іосифъ, которому Она была обручена, Апостолы и даже посторонніе люди, какъ волхвы, и пастухи, приходившіе поклониться родившемуся Іисусу Христу. Праздникъ же Благовѣщенія изображаетъ таинственную бесѣду Архангела Гавріила съ Пресвятой Дѣвой: тутъ только Она и, благовѣствующій Ей никому невѣдомую тайну, посланникъ Божій — Архангелъ Гавріилъ.

Обѣтованіе о явленіи въ міръ Спасителя дано было еще Адаму и Евѣ, потомъ оно повторялось Аврааму и прочимъ патріархамъ и уяснялось пророками. Всѣ ожидали явленія Спасителя, но никто не зналъ, какъ оно совершится. И вотъ, когда исполнилось время, тайна воплощенія Сына Божія ввѣряется Архангелу Гавріилу, и онъ возвѣщаетъ ее Пречистой Дѣвѣ Маріи, избранной быть Матерію воплощающагося Сына Божія.

Когда человѣкъ приступаетъ къ осуществленію своихъ намѣреній, ему приходится думать, какъ преодолѣть неизбѣжныя при этомъ препятствія и затрудненія. Не такъ у Бога: не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ, говоритъ Архангелъ, т.е. не останется у Бога безсильнымъ никакое слово. Въ самомъ дѣлѣ: могъ ли кто воспрепятствовать Архангелу Гавріилу возвѣстить принятую отъ Бога тайну Пресвятой Дѣвѣ. «Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою,» привѣтствовалъ Архангелъ Дѣву. Какъ бы такъ говоритъ онъ: — Ты кажешься нуждающейся въ защитѣ человѣка-мужа, Ты юна и слаба, Ты бѣдна, но что можетъ воспрепятствовать наитію Духа Святаго на Тебя, — и Ты уже преисполнена Божественною благодатію! «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу Твоему,» отвѣчаетъ Пресвятая Дѣва. Въ этомъ отвѣтѣ тоже ясно звучитъ увѣренность, что ничто не можетъ воспрепятствовать тому, что возвѣстилъ Архангелъ. — Неожиданную и странную вѣсть приносишь ты мнѣ, какъ бы такъ говоритъ Пресвятая Дѣва; услышавъ слова твои, я смутилась, но если дѣйствіемъ силы Божіей совершится возвѣщенное тобою, то я преклоняюсь предъ волей Божіей и вѣрую, что это будетъ.

Таково начало, таково и самое дѣло нашего спасенія, т.е. совершается оно таинственно — силою Божіею, и ничто внѣшнее и временное не можетъ воспрепятствовать совершенію его.

Молитвою и благословеніемъ освящается вода — и крещеный въ ней возрождается духовно. Кающійся исповѣдуетъ грѣхи свои предъ Духовнымъ отцомъ — и дѣйствительно освобождается отъ тяжести грѣховъ, исправляетъ жизнь свою. Благословляется по заповѣди Господней хлѣбъ и вино — и люди дѣйствительно причащаются Тѣла и Крови Христовыхъ.

И что гововить объ этихъ великихъ таинствахъ? — Крестное знаменіе съ вѣрою и благоговѣніемъ совершаемое разрушаетъ козни вражіи, ограждаетъ отъ опасностей и избавляетъ отъ напрасной смерти. Призываніе имени Божія низводитъ благословеніе Божіе на людей и на дѣла ихъ.

Если бы мы вѣровали въ силу Божію и благодатную помощь, какая дается намъ въ Церкви Христовой, и жили бы этой вѣрой, то мы могли бы всю жизнь радоваться и благодушествовать. Но вотъ мы смущаемся, раздражаемся, боимся, что пропустимъ благо-

пріятный случай и время — какъ будто нѣтъ о насъ попеченія у Бога и мы предоставлены своимъ силамъ и своему разуму.

Вотъ Пресвятая Дѣва смутилась необычайностью слова Архангела Гавріила, но лишь услышала, что онъ посланъ отъ Бога и возвѣщаетъ то, что совершится силою Божіею — спокойно и съ вѣрою говоритъ: — се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.

Да дастъ и намъ Господь благую мысль искать уразумѣнія воли Божіей о себѣ и готовность ввѣрить себя волѣ Божіей.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ЖАВОРОНОКЪ.

Тсс . . . Тсс . . . Ни словечка!
Не съ полянки, а изъ печки:
Это жавронокъ запѣлъ.
Весь румяный. Ишь, поспѣлъ.
Кышь, ты, кура — ненесуха,
Ни пера тебѣ, ни пуха!
Что яичка не снесла?
Что соломку растрясла?
Это жавронково мѣсто.
Не смотри, что онъ изъ тѣста —
Не ему-ли здѣсь сидѣть,
Благовѣщенье глядѣть.
Онъ изъ тѣста, а святой . . .
Подъ иконой золотой
Со святыми станетъ вмѣстѣ
Съ Богородицыной вѣстью —
Будетъ пѣть, чтобъ посѣтилъ
Насъ архангелъ Гавріилъ.

Ив. Новгородъ-Сѣверскій.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ БЛАГОВѢСТІЯ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВЫ.

Возвѣститель вѣчной тайны,
Самъ архангелъ Гавріилъ,
Въ день весенній, не случайно,
Насъ въ деревнѣ навѣстилъ.
Благовѣщенье сегодня,
Тихій благовѣстъ гудетъ.
Наша радость и Господня —
Даже птица гнѣздъ не вѣетъ:
Такъ великъ сей праздникъ Божій,
Ни съ какимъ другимъ не схожій.

Ив. Новгородъ-Сѣверскій.

Дорожный посохъ.

Труды В. Никифорова-Волгина, опубликованные въ Эстоніи и получившіе широчайшее распространеніе по всей Зарубежной Руси, вызывая слезы умиленія въ тѣхъ душахъ, въ которыхъ остался хотя бы слѣдъ, хотя бы далекій отсвѣтъ нашего благодатнаго прошлаго, стали библіографической рѣдкостію. Старые эмигранты порадуются, вновь увидѣвъ знакомыя строки, и вновь, съ новой силою, переживутъ тѣ высокія чувства, которыя нѣкогда вызваны были твореніями рожденнаго нашимъ Зарубежіемъ истинно-народнаго и истинно-православнаго писателя. Молодые эмигранты особенно насъ поблагодарятъ за возможность ознакомиться съ его твореніями, раскрывающими лучше всякихъ иныхъ словъ, духовную природу нашего бытія, неотрывнаго отъ русско-православнаго корня.

Рукопись открывается словами:

Каждое новолѣтіе я встрѣчаю съ тревогой. Идетъ что-то грозное на нашу землю. Въ чемъ оно выразится, не можетъ вообразить душа моя, — она скорбитъ только смертельно!

...Я примѣчаю, что временами темнѣютъ иконы. Запрестольный образъ Христа невѣдомо отчего сталъ чернымъ и гнѣвнымъ. Старики сказывали, что передъ большими народными бѣдствіями темнѣютъ иконы. Тоже вотъ, и въ природѣ безпокойно... Когда выйдешь въ полѣ или въ лѣсъ, то слышишь кругомъ тревожный, никогда раньше не примѣчаемый, шумъ. Сны стали тяжелыми. Все пожары да разоренія вижу. Не разъ себя видѣлъ, въ полномъ священническомъ облаченіи, въ страхѣ бѣгущимъ по дикимъ ночнымъ полямъ, со святыми Дарами въ рукахъ, а за мною гнались съ длиннымъ степнымъ свистомъ косматые мужики въ древнихъ языческихъ рубахахъ.

За послѣднее время до горькой тоски сталъ людей жалѣть! Такъ вотъ и чудится, что всѣ мы на разстани-пути стоимъ, и скоро не увидимъ другъ друга.

А можетъ быть, все это безпокойство моя болѣзненная мнительность?

Далъ бы, Господи!...

Хотя... сказывала мнѣ матушка, у меня въ дѣтствѣ нѣкія прозрѣнія грядущаго были. Слышалъ я голоса невѣдомые, опасность чувствовалъ и даже смерть близкихъ моихъ предугадывалъ.

Навечеріе Богоявленія Господня. Идетъ снѣгъ, засыпая тихимъ упокоеніемъ наше селеніе. Только что совершилъ чинъ великаго освященія воды. При взглядѣ на воду всегда думаешь о чистотѣ. Помогъ бы Господь, струями

іорданскими, омыть потемнѣвшее лицо земли! Много стало скверны въ жизни. Замутились отъ скверны рѣки Божіи...

Завтра начну свою проповѣдь словами: "міръ, какъ бы, книга изъ двухъ листовъ. Одинъ листъ — небо, а другой — земля. И всѣ вещи въ мірѣ суть буквы". Осквернили мы великую книгу Божію...

По народнымъ сказаніямъ, сегодня ночью, на рѣчныя и озерныя воды, сойдетъ съ неба Духъ Божій и освятитъ воду, и она всплеснется подольдомъ. Наши старики пойдутъ съ ведрами за полунощной водой, креститься будутъ на нее, а завтра, послѣ обѣдни, зелено вино въ ратоборство со святою водою вступитъ... Многа грѣха всякаго будетъ...

Господи! Избави землю твою отъ глубокія нощи!...

При пѣніи "Гласъ Господень на водахъ", мы пошли крестнымъ ходомъ на Іордань. Было сумеречно отъ тяжелыхъ метельныхъ тучъ. Подъ ногами скрипѣлъ морозъ. Люблю глядѣть, когда русскій народъ идетъ въ крестномъ ходѣ и поетъ! Лицо у него ясное, зарями Господними уясненное. Троекратнымъ погруженіемъ креста въ прорубь мы освятили наше озеро. Съ какой свѣтоносной вѣрою русскій человѣкъ пилъ освященную воду, мылся ею, сосуды наполнялъ, — дабы въ смертный часъ испить ее какъ причастіе!

Когда возвращались обратно, то началась метель. Что-то древнее, особенно *русское*, было въ нашемъ заметеленномъ крестномъ ходѣ. Вѣтеръ трепалъ старыя хоругви. На иконы падалъ снѣгъ. Всѣ мы были убѣленными. Метель, и наше церковное древнее пѣніе!... Такъ хорошо... и особенно трогалъ желтый огонекъ несомаго впереди фонаря...

До самаго поздняго вечера я ходилъ по избамъ "со славою", и освящалъ паству свою богоявленской водою. Деревня была пьяной. Неужто опять драки и смертоубійство?

Ночью разболѣлась у меня голова. Я вышелъ на крыльцо. Метель вошла въ полную свою силу. Тревожно было слушать завывы ея.

— Не попусти, Господи, очутиться кому-либо въ полѣ или на лѣсныхъ дорогахъ!...

Звонари наши загуляли. Пришлось самому подняться на колокольню, чтобы позвонить, въ пути находящимся...

Звонилъ долго и окоченѣлъ весь. Передъ тѣмъ, какъ сойти съ колокольни, долго смотрѣлъ на метель... Не прообразъ ли она того грознаго, что идетъ на русскую землю?

Докторъ качалъ головою: да развѣ мыслимо, отецъ Аѳанасій, съ вашими-то легкими на морозъ да на вьюгу выходить? Всѣ тревожились за меня. Сказывали, что смерть у изголовья стояла, но улыбнулся мнѣ Христосъ, и озарилъ чашу мою смертную...

Когда здоровъ священникъ, и горя онъ не вѣдаетъ, то не особенно ублажаетъ его деревенскій народъ; насмѣхается, грубыя слова ему вслѣдъ бросаетъ, пѣсни нехорошія про него поетъ, но заболѣй священникъ — на

родъ душу свою отдастъ, чтобы вернуть его, помочь ему... Одинокій онъ, русскій человѣкъ, и только священникъ еще "отцомъ" ему является... Хоть и недостойнымъ зачастую, но все же роднымъ и не разстаннымъ... Вотъ, и со мною тоже: когда здоровъ былъ, то всякія грубости и насмѣшки слышалъ, а заболѣлъ тяжко, — плакали навзрыдъ, молились, руки мои цѣловали.

Весь міръ для меня, сталъ теперь теремомъ Божьимъ. Все хорошо. Все разумно. Все свѣтло. Вотъ что значитъ болѣзнь! На столъ упало солнышко. Я положилъ на него руки, и очень радовался, — жизнь жительствуетъ!

Въ первый разъ я вышелъ на воздухъ. По снѣгамъ мартъ ходитъ, а за нимъ воробьи въ припрыжку. Ахъ, ужъ эти воробьи! Хорошія они птицы! Радуютъ и умиляютъ ребячествомъ своимъ, неунывностью, вседовольностью! Хороша земля Божья. Скоро весна наступитъ. и по образному выраженію народа нашего, — зачнетъ она милому рубашку вышивать, разными-то цвѣтами, травами, узорчатыми листами. Приневѣститъ она землю въ новую вышитую рубашку. Будетъ земля въ новой рубашкѣ ходить!

Дьяконъ Захарій меня подъ руки поддерживаетъ, и вижу, душою чувствую, любо ему, что я съ одра болѣзни возсталъ! Смотрю въ широкое усвѣтленное лицо его, и думаю: вотъ бы, и всегда такъ, ходили бы люди по землѣ Божіей, другъ друга поддерживая и улыбаясь... этакъ тихо, изъ самой глубины сердечной...

Нехорошо священнику о земномъ думать, но сегодня подумалъ, и загрустилъ: какъ бы радовалась моему выздоровленію покойная супруга моя!.. Она бы сегодня меня подъ руку поддерживала... Оба мы съ нею, мечтатели, и обязательно вспомнили бы, какъ ходили юными по Москвѣ, поднимались на Воробьевы горы, и слушали московскій великопостный звонъ. Въ предвесеннюю пору всегда вспоминается юность, наше невѣсто-неневѣстное.

Да, не можетъ человѣкъ носить въ себѣ полную незамутимую радость!

Великій постъ. Таинство исповѣди. Тяжкими грѣхами замученъ человѣкъ. Съ каждымъ годомъ, эти грѣхи глубже и чернѣе. Невыносимое бремя лежитъ на священникѣ: разрѣшать грѣхи человѣческіе! На многихъ и многихъ необходимо, по святымъ правиламъ нашей церкви, наложить тяжкую эпитимію, но не могу я! Нѣтъ во мнѣ суровости, да и жалко кающагося русскаго человѣка.

Многое спасетъ русскій народъ великимъ своимъ даромъ покаянія! Только мы способны заплакать словами канона Андрея Критскаго: "погубивъ первозданную доброту и благолѣпіе мое, и нынѣ лежу нагъ, и стыждуся".

Побѣжали ручьи. Послѣ "великаго повечерія" я ходилъ гулять въ лѣсъ и сорвалъ нѣсколько красныхъ прутиковъ вербы. Все очарованіе весны въ этихъ красныхъ зоревыхъ прутикахъ! Когда помирать буду, то навѣрное они только и вспомнятся отъ всего того, что пригрезилось на землѣ.

... А лѣса-то наши вырубаютъ! Кругомъ села такіе были заповѣдники, такая чащоба, сколько птицъ и звѣрей было, а теперь пустыри... Примѣчаю я; чѣмъ больше природы уничтожается, тѣмъ хуже на землѣ становится, и ликъ человѣка утрачиваетъ свою ясность.

Надъ природой человѣкъ озоровать сталъ! Такъ и норовитъ разорить ее, растоптать, власть и силу надъ нею показать. Сколько было случаевъ, когда ради озорства выжигались многоверстные лѣса, убивали звѣря и птицу. Пугливо стала смотрѣть природа на человѣка... Не произошла бы отъ этого великая скорбь!

Въ кануны Страстной седмицы я обходилъ избы своей паствы. Никогда этого не дѣлалъ. Нынѣ что-то особенно сталъ тревожиться за человѣческую душу. Къ чему-то ее пріуготовить хочется, укрѣпить. Все кажется, что великимъ соблазнамъ она будетъ подвергнута. Приду въ избу и скажу: на огонекъ къ вамъ пришелъ! Всѣ радовались приходу моему. Поставятъ самоваръ, сядутъ ко мнѣ поближе, и зачну я бесѣдовать съ ними... Любо глядѣть на лица крестьянъ, при скудномъ свѣтѣ керосиновой лампы слушающихъ слова Божіи!

Одинокъ русскій человѣкъ, очень одинокъ! Утѣшитель ему нуженъ. Въ Россіи обязательно должны быть монастыри и старцы печальники... Безъ нихъ некуда дѣваться безпокойной душѣ нашей!... Не отъ одиночества ли нашего и всѣ скорби, и туга душевная, и надрывъ, и грѣхъ?

На Страстной недѣлѣ деревня на монастырь похожа. Всѣ строги, тихи хожденіемъ, тихи на словахъ, братолюбивы и уступчивы. Даже озорники и отпѣтые держутъ строгій постъ. Гляжу на нихъ и опять вѣрю: не отречется отъ Христа народъ русскій! Пойдетъ къ Нему, все Ему разскажетъ, покается и сядетъ у ногъ Его...

Я вышелъ на крыльцо. Тихія весеннія сумерки. Сумерки предпасхалья. Вѣтеръ апрѣльскій. Вспомнились мнѣ трогательныя слова Чехова: "точно такой же вѣтеръ дулъ и при Рюрикѣ, и при Іоаннѣ Грозномъ, и при Петрѣ". Никогда такой близкой не кажется русская земля, какъ въ пору таянія снѣга, въ сумеркахъ, при вѣтрѣ. За послѣднее время она особенно почему-то ненаглядна, словно уйти куда-то хочетъ отъ меня...

Сижу сейчасъ одинъ у пасхальнаго стола, и думаю: отчего грустно мнѣ въ эту спасительную и свѣтоносную ночь? Почему опять тревожитъ мысль, что всѣ мы на разстани-пути стоимъ, и скоро не увидимся другъ съ другомъ.

Троекратнымъ лобзаніемъ цѣловалъ въ уста пасомыхъ своихъ, и хотѣлось плакать. Особенно нагрустно было смотрѣть, какъ шли они по весеннимъ размытымъ дорогамъ, съ узелками освященныхъ куличей, свѣтло, по Христову, улыбаясь другъ другу. Вотъ, думаю, сейчасъ скроются, и никогда уже больше не придутъ сюда, на радостную Христову вечерю.

А можетъ быть, и впрямь у меня что-то болѣзненное?... Далъ бы, Господи!

Солнце заливаетъ землю. Яблони въ полномъ цвѣтеніи. Глазъ не нарадуется дивному благолѣпію весны. Кто-то очень хорошо сравнилъ двѣнадцать мѣсяцевъ года, съ двѣнадцатью учениками Христа. Май мѣсяцъ, — это Іоаннъ Богословъ, апостолъ любви, любимый Христовъ ученикъ.

Я сижу на солнышкѣ и листаю псалмы Давида. На мое плечо, и на страницы книги падаютъ лепестки яблонь. И такъ кстати открылись мнѣ слова псалмопѣвца о солнцѣ:

"Небеса повѣдаютъ славу Божію, и о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь. Онъ поставилъ въ нихъ жилище Солнцу... Отъ края небесъ исходъ его, и шествіе его до края ихъ, и ничто не укрыто отъ теплоты его".

Отъ этихъ ли словъ, или отъ вешней красоты, я не могъ не перекреститься и не воскликнуть:

— Господи! Да пріидетъ Царствіе Твое!

— Вотъ бы, скорбь людскую изжить! Радость на землѣ насадить! Житія немятежнаго достигнуть!

Лѣто стоитъ знойное. Во многихъ мѣстахъ горятъ лѣса. Солнце застилается дымомъ. Свѣтъ стоитъ тревожный, словно апокалипсическій. По ночамъ вспыхиваютъ гнѣвныя сухія молніи.

Ползаютъ темные приглушенные слухи...

Старикъ Кирикъ сказалъ мнѣ сегодня, что онъ приникалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, какъ гудитъ земля:

— Къ бѣдѣ это, батющка!

Деревенскій дурачокъ Сема ходитъ по деревнѣ и во все горло горло распѣваетъ пугающую пѣсню:

Черный воронъ, черный воронъ
Что-ты вьешся надо мной,
Иль мою погибель чуешь,
Да э-эхъ!...

Бабы на него шикаютъ, а онъ раздираетъ душу этимъ степнымъ взвизгомъ:

Э-эхъ!...

Я не могъ удержаться, чтобы не выйти сегодня ночью въ садъ, и не приникнуть ухомъ къ землѣ, —послушать, гудитъ ли она?

...А можетъ быть, это мое сердце гудѣло?

Я проснулся съ великимъ крикомъ. Во снѣ привидѣлось мнѣ, что Господь покидаетъ землю... Я всталъ съ постели, и никакъ не могъ успокоиться.

Горница моя озарялась сухими молніями. Я подошелъ къ окну, и долго

смотрѣлъ на потемнѣвшую землю. Меня сталъ охватывать страхъ. Палъ передъ иконами на колѣны, но молитва не успокоила:

— Неужто Онъ не слышитъ?

Среди ночи я побѣжалъ въ церковъ. Въ алтарѣ затеплилъ семисвѣчникъ, и до самаго утра простоялъ передъ престоломъ. Мнѣ стало легче.

Объявлена война.

По всей Руси панихиды служатъ. Помянники все гуще и гуще заполняются именами убіенныхъ воиновъ. Душа подвига ищетъ. Все свое имущество я роздалъ осиротѣвшимъ. Смотрю сейчасъ на прохладную пустоту своихъ комнатъ и думаю : нѣтъ выше блага, какъ отреченіе отъ вещей. Вѣрно сказано: кто пріобрѣлъ себѣ одну фарфоровую чашку, то онъ уже не свободенъ.

Не хочется мнѣ и дома своего. Завтра прибудутъ беженцы изъ военной полосы. Поселю ихъ у себя, а самъ въ банѣ притулюсь.

Очень остался доволенъ самимъ собою, но потомъ стыдно стало: несовершенныя и себялюбивыя мы натуры! Не умѣемъ творить добро безъ оглядки, безъ упоенія самимъ собою! Далеко еще намъ до совершеннаго, свѣтоподательнаго подвига!

Банька у меня ладная, укромная, изъ свѣжихъ душистыхъ бревенъ. Зимою тепло въ ней будетъ. Затеплилъ лампаду, и стало такъ утѣшно, словно Самъ Христосъ пришелъ ко мнѣ въ гости и сидитъ на деревенской лавочкѣ.

Пришивалъ я пуговицу къ своей рясѣ и думалъ: хорошо жить подъ низкими потолками! Тишины на сердцѣ больше!...

Да, опять я доволенъ, опять самообольщаюсь, опять впадаю "въ духовную прелесть". Мало надъ собою работаю.

Земля волнуется. Народъ тревожится. Вокругъ меня горя — непочатый край. Жмутся ко мнѣ люди. Утѣшенія ищутъ. До поздней ночи сижу я съ народомъ своимъ, и слушаю тревоги ихъ и скорбь. Всѣ горе большое носятъ. Вси въ житіи крестъ, яко яремъ вземшіи. Посмотришь на нихъ, сказать что-то хочешь въ утѣшеніе, но вмѣсто словъ опустишь голову и молчишь...

Большое горе стрялось надъ нами, но сердце накликаетъ еще что-то болѣе грозное и страшное.

— Къ какимъ-же испытаніямъ ведешь Ты, Господи, народъ русскій?

Часть вторая.

... Наша деревенская коммуна началась съ того, что на кладбищѣ стали гулянки устраивать, парни сбросили съ колокольни большой колоколъ, а въ моей банькѣ стекла выбили. Алексѣй Бахваловъ поджогъ часовню при дорогѣ. Кузьма икону Владычицы топоромъ разрубилъ и въ горящую печь бросилъ.По ночамъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ.

Я хожу изъ избы въ избу. Утѣшаю, увѣщеваю, молюсь. Поздно вечеромъ

меня подкараулили, напали и тяжко избили. Три дня не выходилъ на улицу. Весь въ повязкахъ лежалъ.

...Голодъ. Съ превеликимъ трудомъ доставили горсточку муки для просфоръ. Литургійный хлѣбъ сталъ теперь ржанымъ, — почернѣло тѣло Христово...

Служилъ сегодня литургію. Церковь была переполнена голодными. Матери принесли на рукахъ голодныхъ дѣтей и не могли держать ихъ отъ слабости. Они укладывали ихъ на полъ, подъ иконы. Глядя на дѣтей, всѣ плакали. Въ церкви умеръ четырехлѣтній сынокъ кузнеца Матвѣя. Многіе въ церкви лежали пластомъ, — такъ были слабы.

Я причащалъ голодныхъ дѣтей, и еле сдерживалъ въ рукѣ чашу Христову... Страшно смотрѣть на голоднаго ребенка. На клиросѣ упалъ съ голодухи псаломщикъ. Дьяконъ съ жадностью смотрѣлъ на служебныя просфоры. Дѣтямъ давали по кусочку просфоры. Они проглатывали его и тянули ручонки за другимъ: "дай хлѣбушка, батюшка, дай ради Христа!"

Передъ окончаніемъ литургіи я вышелъ говорить проповѣдь. Взглянулъ на эти опухшія отъ голода лица, на голодныхъ дѣтушекъ, положенныхъ матерями подъ иконы небесныхъ заступниковъ, и на этого мертвенькаго младенца, лежащаго на скамейкѣ, — не выдержалъ я: заплакалъ, упалъ передъ народомъ на колѣни, и ничего сказать не могъ! Мы только плакали и кричали что есть силъ: Господи, спаси! Матерь Божія, заступи!

Въ ночь на 20 ноября замутившіяся души сожгли нашъ храмъ.

Мнѣ Господь помогъ невредженно пройти черезъ пламя въ алтарь. Удалось спасти антиминсъ, запасные дары и нѣсколько служебныхъ книгъ. Чашу Господню не могъ спасти. Она была объята пламенемъ.

Друзья мои упреждаютъ: "бѣги, батюшка, отъ грѣха! Убить тебя хотятъ!" Я никуда не убѣгу. Господь защититель живота моего, да не убоюся! Сейчасъ размышляю: гдѣ-бы разложить священный антиминсъ и начать совершеніе Св. Христовыхъ тайнъ?

Въ нашемъ лѣсу стоялъ барскій охотничій теремокъ. Этотъ теремокъ мы превратили въ домъ Божій.

Пасомые мои принесли сюда иконы, лампады повѣсили. Изъ свѣжаго лѣсного теса сдѣлали иконостасъ, престолъ и жертвенникъ. Сшили мнѣ изъ добротныхъ деревенскихъ мѣшковъ ризу. Столярный искусникъ Егорушка сдѣлалъ деревянную чашу, и даже вырѣзалъ на ней по славянски слова: "Чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову".

Идетъ народъ, идетъ за многіе десятки верстъ, въ Божій нашъ теремокъ за утѣшеніемъ. Мѣста не хватаетъ. Стоятъ подъ небомъ. До поздней ночи я исповѣдаю ихъ, бесѣдую съ ними и утѣшаю. Сейчасъ глубокая морозная ночь. Молодежь съ пѣснями и руганью проходитъ по деревнѣ. Вотъ

они къ моей банькѣ приближаются. Вотъ остановились. Комомъ снѣга въ окно запустили.

А меня все время упреждаютъ: "бѣги, батя, покуда живъ! Злобятся на тебя. Врагомъ народа объявляютъ".

Будь что будетъ.

Мнѣ сказали, что въ городѣ приказъ подписанъ, — арестовать меня, какъ мятежника и возбудителя народныхъ массъ.

Пришли ко мнѣ въ метельную ночь.

— Сряжайся, батя, поскорѣе! Ѣдемъ!

Я имъ въ отвѣтъ:

— Не поѣду, други! Совѣсть пастырская не дозволяетъ!

Тутъ ужъ они силою заставили меня одѣться. Уложили въ саквояжикъ бѣльишко мое, книги и прочее. Всѣ мои мольбы, были яко сѣяніе зеренъ на камнѣ. Меня не слушали, а только понукали.

Ничего подѣлать съ ними не могъ. Взялъ я антиминсъ съ божницы, дарохрачительницу и Евангеліе. Усадили меня въ деревенскій возокъ и тронули.

Поселили меня въ маленькомъ рѣчномъ городкѣ, въ домикѣ сапожника Саввы Григорьевича Ковылина. Сталъ я обучаться сапожному ремеслу.

Сидимъ мы съ Савой Григорьевичемъ "на липкахъ" и бесѣдуемъ на тихія душевныя думы, а по вечерамъ Священное писаніе читаемъ и молимся. Истовый и свѣтлодушный онъ старикъ, отъ смолевыхъ, древне-русскихъ истоковъ! Жизнью своею, словно икону Спасителя пишетъ. По субботамъ и воскресеньямъ приходятъ къ нему сродственники и хорошіе благочестные люди. Въ задней боковушѣ, окномъ на пустырь, совершаемъ богослуженіе. Про меня узнали. Потайно приносятъ ко мнѣ младенцевъ для крещенія, приходятъ вѣнчаться, каяться и причащаться. До моего прибытія сюда городское духовенство великимъ уничиженіямъ и гоненіямъ подверглось. Однихъ выслали на Соловки, а иныхъ съ большими мученіями предпослали въ вѣчное жилище. Во время литургіи у одного изъ священномучениковъ вырвали изъ рукъ Чашу и расплескали по полу кровь Христову, а священника вывели въ ризахъ на площадь и въ ризѣ же на фонарномъ столбѣ повѣсили. Въ селѣ Дубнахъ, однокашника моего по семинаріи, священноіерея Димитрія штыками ослѣпили.

Сегодня совершилъ я необычный чинъ отпѣванія. Приходитъ ко мнѣ старуха. Вся въ слезахъ.

— Отпой, батюшка, сына моего, богоотступника! Убили его!

— Гдѣ-же почившій? — спрашиваю.

— Тамъ, батюшка, у нихъ... Въ Народномъ домѣ лежитъ. Тебя туда не допустятъ. По-граждански его хоронятъ, съ музыкой и пѣснями... Онъ вѣдь комиссаромъ состоялъ...

— Какъ же я отпѣвать стану?

— Отпой его, голубчикъ, заочно... у себя въ боковушѣ! Дай душѣ его благословеніе...

Плачетъ старуха, Христомъ Богомъ молитъ. Сталъ отпѣвать.

... Мимо оконъ везутъ мертваго комиссара, съ музыкой, а я читаю ему въ слѣдъ: "въ вѣчныхъ Твоихъ селеніяхъ упокой душу усопшаго раба Твоего въ мѣстѣ Свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе".

Сталъ я заправскимъ сапожникомъ. Пошли у насъ дѣла съ Саввой Григорьевичомъ складно да ладно.

"Ночная паства" моя росла, и въ боковушѣ становилось тѣсно.

Въ городѣ не прекращаются разстрѣлы...

Однажды ночью къ намъ постучали. Открыли. Входитъ комиссаръ Ахтыровъ. Обращается ко мнѣ:

— Пойдемъ со мною, батюшка!

Я приготовился къ смерти. Савва Григорьевичъ бѣлѣе снѣга сталъ. Комиссаръ успокаиваетъ:

— Не бойтесь, отцы! Я затѣмъ пришелъ, чтобы батюшка сына моего окрестилъ въ потайности,... а то онъ не выживетъ!...

Сегодня было у насъ совѣщаніе. Мы рѣшили изъ боковуши перебраться въ лѣсъ (а лѣса здѣсь хорошіе, затаенные, съ глубокими чащобами). Недавно одному изъ нашихъ посчастливилось найти здѣсь глухую пещеру. Ночью пошли къ этому мѣсту. До самаго разсвѣта приводили ее въ благолѣпный видъ. Тайкомъ принесли сюда иконы. Будущая церковь наша сокрыта черными вѣковыми елями, — лучшаго мѣста не найти! Условились мы ходить на молитву разными путями, и въ одиночку, памятуя слова Христа: "блюдите, како опасно ходите".

Первая молитва въ лѣсной пещерной церкви!... Свѣчей у насъ не было. Горѣла лучина. Послѣ "Хвалите" я запѣлъ величаніе преподобному Сергію, ибо только Онъ вспомнился при горящихъ лучинахъ! Всѣмъ народомъ мы пѣли: "Ублажаемъ, ублажаемъ тя преподобне отче Сергіе, и чтемъ святую память твою, наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ". По самую заночь я принималъ исповѣдь собравшихся...

Послѣ ночной молитвы я долго гулялъ по лѣсу. Издали послышался нутряной смертный крикъ, и вслѣдъ за нимъ нѣсколько ружейныхъ залповъ... Я присѣлъ на поваленномъ деревѣ.

Какъ малое дитя, спрашивалъ душу свою: почему такъ страшенъ человѣкъ? Развѣ нельзя жить безъ этихъ ночныхъ криковъ и выстрѣловъ?

Шума тревоги больше не слышу. Тихо стало и притаенно. Иконы стали свѣтлыми. Сказываютъ, купола на многихъ церквахъ обновляются! Къ чему сіе? Что значитъ этотъ Господенъ знакъ?

Наступилъ рождественскій сочельникъ. Весь онъ въ снѣжныхъ хлопьяхъ. На землѣ тихо. Хочется грезить, что ничего страшнаго на Руси не произошло. Это только намъ приснилось, только попритчилось... Всѣ мы сегодня, какъ встарь, запоемъ "Рождество Твое Христе Боже нашъ", и во всѣхъ домахъ затеплимъ лампады...

Но не долго пришлось мнѣ грезить. Мимо оконъ повели бывшаго городского голову, директора гимназіи, нѣсколько человѣкъ военныхъ, юношу въ гимназической шинели, дѣвушку въ одномъ платьицѣ, простоволосую. Сѣдого сгорбленнаго директора подгоняли ружейными прикладами. Онъ былъ безъ шапки, а городской голова въ ночныхъ туфляхъ.

Сердце мое заметалось. Я вскрикнулъ и упалъ.

... Очнулся я къ самому вечеру. Савва Григорьевичъ долго приводилъ меня въ чувство.

— Какъ-же ты, батюшка, служить сегодня будешь? Посмотри въ зеркало, ты мертвому подобенъ! Что это съ тобою произошло?

Я ничего не сказалъ. Помолился, попилъ святой воды, частицу артоса вкусилъ и сталъ совсѣмъ здоровымъ.

Въ ночь на третье января къ намъ постучали.

— Бѣда, батюшка! — вскрикнули вошедшіе. — Завтра хотятъ изъ собора всѣ иконы вынести, иконостасъ разрушить, а церковь превратить въ кинематографъ. Самое-же страшное: хотятъ чудотворную икону Божьей Матери на площадь вынести, и тамъ разстрѣлять!

Разсказываютъ и плачутъ.

Меня охватила ретивость. По-командирски спрашиваю:

— Сколько васъ тутъ человѣкъ?

— Пятеро!

— Такъ... Ничего не боитесь?

— На какую угодно муку пойдемъ! — отвѣчаютъ гуломъ.

— Такъ слушайте же меня, чадца моя! — говорю имъ шопотомъ. — Чудотворную икону мы должны спасти! Не отдадимъ ее на поруганіе!

Савва Григорьевичъ все понялъ. Молча пошелъ въ чуланъ и вынесъ оттуда топоръ, долото и молотокъ. Перекрестились мы и пошли...

На наше счастье, Владычица засыпала землю снѣгомъ. Въ городѣ ни одного фонарика, ни голосовъ, ни собачьяго лая. Такъ тихо, словно земля душу свою Богу отдала. Къ собору идемъ по одиночкѣ. Я вдоль заборовъ пробираюсь. Наши уже въ соборной оградѣ. Тутъ же и лошадка приготовлена. Насъ оберегаютъ старыя деревья, тяжелыя отъ снѣга. Оглянулись. Перекрестились. Одинъ изъ нашихъ по тяжелому замку молотомъ звякнулъ — замокъ распался. Прислушались. Только снѣгъ да наше дыханіе. Мы вошли въ гулкій заморженный соборъ. Изъ тяжелаго кіота сняли древнюю икону Богоматери. Положили ее въ сани, прикрыли соломой и благословясь тронулись къ нашей пещерной церкви. Сама Пресвятая лошадкой нашей правила. Ѣхали въ тишинѣ. Никого не повстрѣчали. Снѣгъ заметалъ наши слѣды.

Къ пещерѣ несли Ее на рукахъ, увязая въ глубокихъ сугробахъ. Я раздумно вспоминалъ:

— Не такъ ли и предки наши уносили святыни свои въ лѣса, въ укромныя мѣста, во дни татарскаго нашествія на Русь?

Въ городѣ пошелъ слухъ о чудѣ, — Владычица покинула соборъ! Да, воистину чудо! Ибо только сила Божія помогла намъ спасти древнюю святыню русскую.

Около собора днемъ и ночью толпится народъ. Его разгоняютъ ружейными залпами. Народъ ощеривается и выходитъ изъ себя.

Когда изъ собора выносили иконы и бросали ихъ на мостовую, произошла рукопашная. Народъ съ крикомъ набрасывался на кощунниковъ, вырывалъ у нихъ иконы, а тѣ, размахивая ручными гранатами, вопили:

— Ра-а-с-хо-дись, а то сейчасъ бабахнемъ!

Когда въ соборѣ все было очищено, то тамъ устроили пьянство съ пѣснями и музыкой. Сказывали что Чаша Господня, наполненная водкой, обносилась "въ круговую". Молодежь волочила по улицамъ иконы и распѣвала:

Эхъ, играй, моя двухрядка,
Противъ Бога и поповъ.

На пустырѣ Савва Григорьевичъ нашелъ икону преподобнаго Серафима Саровскаго, изрѣшетенную пулями.

Много горькихъ дорогъ прошло съ того времени, когда мнѣ вновь удалось найти свои записи и склониться надъ ними.

... Недолго пришлось намъ собираться въ подземной церкви. Насъ выслѣдили. На Крестопоклонной недѣлѣ, во время выноса креста, предъ нами предстали *они*...

Два рослыхъ, дурно пахнувшихъ солдата, съ заломленными на затылокъ папахами, съ неумолимыми дикими руками, тяжело подошли ко мнѣ и связали меня веревками. Мнѣ не дали снять съ себя ризы, — такъ и повели въ полномъ священническомъ облаченіи. Паству мою, по счастью, не тронули, и она сопровождала меня со слезами и стенаніями. Пробовали защитить меня, но имъ угрожали ручными гранатами. Меня тревожила мысль: догадываются ли пасомые мои, спасти чудотворную икону Богоматери? Тревога моя, видимо, передалась Саввѣ Григорьевичу. Онъ издали, изъ темноты, крикнулъ мнѣ:

— Не безпокойся!...

Легко мнѣ стало, словно Богъ возглаголалъ изъ лѣсной чащи.

Въ одномъ мѣстѣ, на леденицѣ, я поскользнулся и упалъ. Солдаты засмѣялись, не помогли мнѣ подняться, а схватили за край веревки, и съ пѣсней "эй, дубинушка, ухнемъ", волокомъ потащили меня по землѣ.

Я весь избился и окровянился. Потомъ они пожалѣли меня и подняли.

Поздно вечеромъ привели къ слѣдователю. я всталъ около письменнаго стола. Слѣдователь писалъ и не смотрѣлъ на меня. У него были сверкающія

бѣлыя руки. Лицо румяное, молодое и какъ будто простодушное. Все обыкновенное, человѣческое, если бы только не уши... Пепельно-лиловатыя, широкія, они свисали на подобіе тряпокъ. закрывая ушную раковину.

Прошло минутъ двадцать, но онъ все еще не поднималъ на меня глазъ. Въ кабинетѣ, освѣщенномъ душнымъ свѣтомъ электрической лампочки безъ абажура, было тихо. Только два звука было слышно: сухое шуршаніе пера, и влажное паденіе на паркетный полъ кровяныхъ капель съ моихъ избитыхъ о гололедицу рукъ.

Наконецъ, слѣдователь тихо положилъ перо, поднялъ румяную голову и осіялъ меня такимъ шелковымъ голубымъ взглядомъ, что я первое мгновеніе подумалъ: "какіе хорошіе человѣческіе глаза!" Но вглядѣвшись въ нихъ, я содрогнулся...

Минутъ пять смотрѣлъ на меня, не мигая, своей страшной, словно застеклившейся синевой.

Онъ перевелъ взглядъ на мои окровавленныя руки и улыбнулся стеклянной, и какъ мнѣ представилось, — синей улыбкой.

Тонкими, совершенной красоты, пальцами, онъ изрѣдко отмахивалъ что-то отъ лица своего, словно садилась на него паутинная нить. Онъ заставлялъ сознаться меня въ организаціи заговора противъ власти. Я съ твердостью отрицалъ это и говорилъ: "Я молюсь за нее, чтобы она не проливала крови!" Очень долго допрашивалъ меня голосомъ хрустящимъ и словно костянымъ. Моимъ объясненіямъ не вѣрилъ. Подъ конецъ допроса лицо его пошло пятнами. Совершенно неожиданно, онъ ловкимъ кошачьимъ прыжкомъ соскочилъ съ бархатнаго лиловаго кресла, подбѣжалъ ко мнѣ, вцѣпился въ мое горло бѣлою льдистой рукою и закричалъ въ изступленіи, слюнявымъ извивающимся хрипомъ:

— Сознавайся! Стерва! Убью! . .

Онъ приставилъ къ моему виску револьверное дуло. Голова моя горѣла нестерпимымъ жаромъ, и отъ прикосновенія металлическаго холодка я ощутилъ пріятность. Больше всего меня напугалъ впервые видѣнный мною звѣриный ликъ человѣка.

Меня отвели въ темницу. Здѣсь сидѣли буйные люди. Встрѣтили меня со свистомъ и улюлюканіемъ. Издѣвались надъ моими священническими ризами и плевали на нихъ. Дали мнѣ мѣсто на полу, въ затемкѣ, рядомъ съ лоханью для нужды. Полъ былъ каменнымъ и зловоннымъ. Когда погасили свѣтъ, и всѣ полегли спать, я сталъ молиться. Послѣ молитвы подошелъ ко мнѣ кто-то невидимый во тьмѣ и сказалъ:

— Ложись на мои нары. . . тамъ теплѣе, а я на твоемъ мѣстѣ образуюсь! . .

Радостно стало мнѣ:

— И здѣсь Христосъ! . .

Въ эту первую тюремную ночь я не могъ скоро заснуть. Думалъ о предстоящихъ страданіяхъ своихъ и не утаю; ужасался ихъ и тосковалъ

не мало. Мнѣ вспоминались муки, кои претерпѣли Христа ради, соратники мои:

Въ Астрахани архіепископа Митрофана и его викарія епископа Леонтія живьемъ закопали въ землю; въ Свіяжскѣ епископа Амвросія привязали къ хвосту бѣшеной лошади; въ Бѣлградѣ-Курскомъ епископа Никодима убивали желѣзными прутьями — тѣло же его бросили въ сорную яму; архіепископа Пермскаго Андроника ослѣпили, выколовъ глаза, отрѣзали щеки, и въ такомъ видѣ влачили его по городскимъ улицамъ, а потомъ живьемъ, закопали въ землю...

Я сжималъ въ рукѣ натѣльный крестильный крестъ, и съ геѳсиманскою тоскою взывалъ къ нему:

— Господи! Научи мя оправданіямъ Твоимъ! . .

Въ пищу давали сто граммъ хлѣба и супъ изъ снитковъ или селедки. По два раза въ день приносили намъ по кружкѣ воды. Тюремный хлѣбъ я не ѣлъ даромъ, — меня заставляли чистить отхожія мѣста, мыть полы, стирать бѣлье конвойныхъ, и въ этомъ я хорошо преуспѣвалъ.

Съ обитателями нашей темницы, ворами и убійцами, я крѣпко подружился. Они полюбили меня за тишину къ нимъ, за бесѣды съ ними, за уступчивость. И примѣтилъ я: чѣмъ глубже носишь въ себѣ образъ Христа и вооружаешься смиреніемъ, тѣмъ скорѣе освѣтишь звѣриный міръ человѣка. Если и не сразу, то впослѣдствіи все же освѣтится человѣкъ. Надо только жить рядомъ съ нимъ, чтобы Христосъ, живущій въ тебѣ, постоянно освѣщалъ омраченнаго. Человѣка за руку приходится водить, какъ ребенка — несмысленоша!...

На Страстной недѣлѣ соузники мои изъявили желаніе исповѣдоваться передо мною, и въ одну изъ ночей я принялъ ихъ сокрушенную, отчаянно-русскую исповѣдь... Въ знакъ раскаянія они цѣловали мой натѣльный крестъ.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе я облачился въ изорванныя свои ризы и пропѣлъ имъ всю пасхальную заутреню, а потомъ христосовались мы...

Пять мѣсяцевъ я просидѣлъ въ здѣшнемъ узилищѣ. Въ самый день рожденія моего (мнѣ исполнилось пятьдесятъ два года) меня отправили желѣзнодорожнымъ путемъ въ губернскую тюрьму.

Втолкнули меня въ подвальную темноту и сырость. Послѣ солнечнаго свѣта, на время освѣтившаго меня по пути въ тюрьму, я долго стоялъ на порогѣ, словно въ ослѣпленіи, ничего не видя. Ко мнѣ кто-то подошелъ, назвалъ по имени и обнялъ. Глаза мои прояснятся стали. Я увидѣлъ архіепископа Платона. Только по глазамъ, да по тому неуловимому, что дѣлаетъ человѣка характернымъ, я узналъ его. Величественный русскій владыка превратился теперь въ согбеннаго старца. Ряса была въ дырьяхъ, на ногахъ

плохенькіе сапоженки, сѣдые волосы свалялись въ колтунъ, и давно не мытые, напоминали горькій ветхозавѣтный пепелъ.

Я поклонился ему въ ноги.

Ко мнѣ стали подходить изъ разныхъ угловъ другіе обитатели подвала.

Меня обнималъ заросшій волосами, землистоблѣдный, похожій на тѣнь, высокій человѣкъ въ сутанѣ.

— Ксендзъ Станиславъ Лабунскій!

Крѣпко пожималъ мнѣ руки, маленькій, изсохшій, похожій на философа Канта, господинъ въ сюртукѣ. Черезъ одышку онъ назвалъ себя:

— Пасторъ Келлеръ!

Тихими стариковскими шагами приблизился давній духовникъ мой, игуменъ Амвросій. Молча обнялъ меня и молча перекрестилъ.

Семинарскимъ прозвищемъ моимъ ("пустынникъ антіохійскій") встрѣтилъ меня, однокашникъ мой, отецъ Михаилъ Аскольдовъ. Былъ, когда-то, осанистымъ, златовласымъ и осіяннымъ какимъ-то, — теперь старикъ передо мною сталъ, съ трясущимся перемученнымъ тѣломъ.

Великимъ поношеніямъ подвергались мы...

Поздно вечеромъ, а то и въ полночь, въ замкѣ щелкалъ ключъ.

Открывалась желѣзная дверь и на порогѣ появлялись они. Впереди товарищъ Бронза. Въ лицѣ и въ короткихъ тяжелыхъ рукахъ этого человѣка дѣйствительно было что-то бронзовое. Высокій, широкій въ кости, съ напомаженной чолкой на низкомъ волосатомъ лбу, всегда въ кожанной одеждѣ... Рядомъ съ нимъ два мускулистыхъ китайца съ безпросвѣтными глазами, всегда потные и какъ бы лиловые отъ грязи, одѣтые въ замусоленные липкіе ватники.

— Одѣвайсь! — раздавался гнусавый голосъ Бронзы. Насъ выводятъ изъ камеры. Темными переходами идемъ на широкій асфальтовый дворъ.

— Вста-а-а-ть къ стѣнкѣ!

Отъ этого окрика мы чувствуемъ себя солдатами, и стараемся выстраиваться по-военному.

Далекимъ озернымъ всплескомъ звучитъ тишина. Они вынимаютъ изъ кобуры револьверы, нахмуренно осматриваютъ ихъ съ разныхъ сторонъ и... начинаютъ въ насъ прицѣливаться.

Въ теченіе минутъ трехъ направляютъ на насъ револьверное дуло. Мы блѣднѣемъ и начинаемъ креститься. Насладившись нашими предсмертными чувствами, они милостиво машутъ намъ револьверомъ.

— Репетиція окончена! Разойтись!

Такія репетиціи устраивались раза два, а то и три въ мѣсяцъ.

Однажды намъ пришлось испытать еще болѣе дикое поношеніе.

Поздно вечеромъ открывается дверь. Мы только-что совершили всенощное бдѣніе, и сидя на соломѣ — нашемъ ложѣ, тихо бесѣдовали.

— Одѣвайсь!...

Намъ вручили по желѣзному заступу. Повели насъ за тюремныя стѣны. Пахло лѣтней напоенной солнцемъ, травою. Запахъ давно невиданной травы особенно взволновалъ меня. "Земля Божья, земля Божья" — нѣсколько разъ повторялъ я вслухъ. Насъ повели за городъ и заставили остановиться среди поля.

Мнѣ вспомнилось дѣтство, ночное... костеръ среди поля... всплескъ большой рыбы въ протекавшей мимо рѣкѣ, и серебристое ржаніе жеребенка.

— Ройте яму!... — приказалъ намъ Бронза, — душъ... этакъ... на семь!...

—Вотъ и конецъ...

Игуменъ Амвросій съ трудомъ работалъ заступомъ. Китаецъ толкнулъ его въ спину, и онъ упалъ на камень, разбивъ себѣ подбородокъ. Сѣдая борода его окрасилась кровью, и онъ какъ-то безпомощно улыбнулся... молчаливой улыбкой. Яма была вырыта. Мы едва переводили духъ отъ усталости, и всѣмъ намъ очень хотѣлось поскорѣе отдохнуть.

— Ну-съ... отдыхайте маленко... — сказалъ намъ Бронза, закуривая папиросу, — а потомъ встаньте подъ рядовку, затылками къ ямѣ!...

Мы стали готовиться къ смерти. Мы цѣловались послѣднимъ цѣлованіемъ и благословляли другъ друга въ дальнюю дорогу... Въ это время металлическимъ взвизгомъ разсмѣялся пасторъ Келлеръ. Мы бросились къ нему. Весь онъ былъ затуманенъ безуміемъ... Мы обнимали его и утѣшали, а онъ царапалъ лицо свое длинными землистыми ногтями и кричалъ сквозь рыдающій хохотъ:

— Іерусалимъ! Іерусалимъ!

Онъ потерялъ сознаніе и упалъ. Въ это время подъѣхалъ къ намъ грузовикъ, нагруженный чѣмъ-то тяжелымъ, и какъ мнѣ почудилось, — страшнымъ. Грузъ былъ покрытъ влажнымъ брезентомъ. Намъ скомандовали:

— Разгрузить!

Мы сняли брезентъ. На грузовикѣ лежали мертвыя тѣла. Среди нихъ мальчикъ лѣтъ десяти, въ матросскомъ костюмѣ, съ перебитымъ до мозга черепомъ.

Насъ заставили хоронить ихъ. Когда зарыли, то скомандовали:

— Стройся! По домамъ!

Безчувственнаго пастора мы положили на грузовикъ.

Пасторъ Келлеръ скончался. За нѣсколько минутъ до кончины Господь прояснилъ его разумъ. Онъ сказалъ послѣднія свои слова на землѣ:

— Слава Богу, за все!...

Тѣло его въ теченіе недѣли оставалось не вынесеннымъ...

Проходили долгіе дни нашего заключенія. Однажды мы стали примѣчать, что вокругъ насъ наростаетъ тревога. Временами слышалась отдаленная пушечная стрѣльба. Мы осмѣлились какъ-то спросить у приносящаго

намъ пищу, — простоватаго и доброглазаго парня: что происходитъ на свободѣ? Онъ шепнулъ намъ: бѣлые наступаютъ!

Пушечная пальба приближалась. За дверью нашей камеры все чаще и чаще раздавались нервные бѣгущіе шаги. Они заставляли насъ вздрагивать. Мы прижимались другъ къ другу. Съ нашихъ устъ не сходила молитва. Однажды приносящій пищу объявилъ намъ шопотомъ:

— Готовьтесь сегодня къ смерти...

По уходѣ его изъ камеры епископъ Платонъ положилъ богослужебный началъ: "Благословенъ Богъ нашъ, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ"...

Мы не сговарились, что намъ пѣть: всенощное бдѣніе, молебенъ; но разомъ почувствовали, что намъ слѣдуетъ отпѣвать себя. Мы запѣли послѣдованіе погребенія человѣкъ:

"Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законѣ Господни. Аллилуія"...

Епископъ Платонъ поминалъ о вѣчномъ упокоеніи наши имена:

"Еще молимся о упокоеніи душъ усопшихъ рабъ Божіихъ, и о еже проститися намъ всякому прегрѣшенію вольному же и невольному"...

При пѣніи прощальнаго "Зряще мя безгласна" мы лобызались и крестили другъ друга.

Былъ вечеръ. Земля вздрагивала отъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ замкѣ щелкнулъ ключъ. Вошелъ Бронза, въ сопровожденіи китайцевъ. Не ожидая его приказанія, мы стали собираться въ дорогу...

... Разстрѣливали по очереди.

Первымъ упалъ епископъ Платонъ, за нимъ ксендзъ, третьимъ отецъ Михаилъ. Онъ успѣлъ крикнуть:

— Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой...

Я стою съ игуменомъ Амвросіемъ. Онъ вполголоса читаетъ слова исходной пѣсни:

"Непроходимая врата тайно запечатствованная, благословенная Богородице Дѣво, пріими моленія наша, и принеси Твоему Сыну и Богу, да спасетъ тобою душы наши".

Мнѣ вспоминается сельская церковь. Вербное Воскресеніе. Иконостасъ украшенъ красными прутиками вербы. Я стою въ очереди причастниковъ. Мнѣ всего девять лѣтъ. Въ бѣлой рубашкѣ я и въ сапогахъ новыхъ, съ желтыми ушками наружу... Медленно движется очередь причастниковъ, и всѣ они освѣщены весеннимъ солнцемъ. Деревенскіе пѣвцы поютъ: "Тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите"...

Бронза свинцовой поступью подходитъ съ наганомъ къ игумену Амвросію.

— Послѣ этого причастника и я подойду къ Чашѣ... — туманится въ мой головѣ. — Вѣрую Господи и исповѣдую... — шепчутъ уста моя. Вся земля превращается въ синее облако, и нѣтъ ужъ памяти ни о прошед-

шемъ, ни о настоящемъ... Тѣло мое какъ бы спадаетъ, и вотъ... нѣтъ ужъ меня, облеченнаго въ земляную плоть... Мнѣ на мгновеніе представляется, что я стою около своего упавшаго тѣла, и смотрю на него, какъ на совлеченную одежду...

Меня выводитъ изъ этого состоянія грохотъ бѣгущихъ солдатскихъ ногъ и неистовый, смертью охваченный крикъ:

— Бѣлые вошли въ городъ!

Насъ не успѣли разстрѣлять.

(Окончаніе слѣдуетъ)

*
* *

Пречистая Дѣва святая!
Ты видишь, Ты слышишь меня,
Пошли мнѣ безропотно встрѣтить
Всю тяжесть грядущаго дня.
Дай видѣть мнѣ Ликъ Твой пресвѣтлый
И ночью, и днемъ предъ собой,
Пусть будетъ мнѣ въ жизни опорой,
Моей путеводной звѣздой.
Слышны Тебѣ тяжкіе стоны
Измученныхъ жизнью людей
И льешь Ты незримыя слезы
И скорбь Твоя глубже, сильнѣй.
Я вѣрю, Ты людямъ поможешь,
Покровомъ Своимъ защитишь,
Утѣшишь Ты ихъ, успокоишь,
Отъ зла и отъ бѣдъ сохранишь!

Ксенія ОРѢХОВА-ГАЛУЩЕНКО.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе преподобнаго отца нашего Герасима.

Марта 4-го.

Святой Герасимъ жилъ въ пустынѣ Іорданской. Свѣтилъ онъ въ пустынѣ, какъ свѣтлая звѣзда. Устроилъ онъ и обитель при рѣкѣ Іорданѣ. Этому угоднику Божію работалъ безсловесный звѣрь, точно разумный человѣкъ.

Разъ шелъ святой Герасимъ по пустынѣ и встрѣтилъ больного льва. Левъ показывалъ ему на ногу свою, въ которую вкололся острый тернъ. Нога у льва распухла и была полна гноя. Умиленно смотрѣлъ левъ на старца, не словами, но смиреннымъ видомъ умолялъ старца исцѣлить его. Старецъ пожалѣлъ льва, взялъ ногу звѣря, вынулъ изъ нее тернъ, и много вытекло гноя. Онъ хорошо очистилъ рану, перевязалъ ее полотномъ и отпустилъ льва. Когда же звѣрь выздоровѣлъ, онъ сталъ, точно ученикъ, всюду ходить за старцемъ, и старецъ его кормилъ, иногда хлѣбомъ, иногда овощами.

При лаврѣ былъ оселъ, который возилъ воду изъ Іордана для братьевъ. И повелѣлъ старецъ льву пасти осла на берегу рѣки Іордана. Однажды левъ пасъ осла, потомъ отошелъ отъ него и заснулъ на солнцѣ. Одинъ человѣкъ съ верблюдами шелъ изъ Аравіи. Онъ увидѣлъ осла одного, взялъ его и увелъ съ собою. Левъ, проснувшись, сталъ искать осла. Нигдѣ не найдя его, онъ печальный и унылый пришелъ къ отцу Герасиму. Старецъ подумалъ, что левъ съѣлъ осла. Онъ спросилъ его: «Гдѣ оселъ?» Звѣрь, точно человѣкъ, сто-

ялъ молча, смотря въ землю. И опять спросилъ старецъ: «Съѣлъ ты его? Ты отсюда теперь не уйдешь, но все что дѣлалъ оселъ, будешь ты дѣлать.» И сталъ левъ носить на себѣ большой сосудъ воды изъ рѣки Іордана. Однажды пришелъ одинъ воинъ къ старцу и увидѣлъ льва, носящаго воду. Узнавъ, почему звѣрь работаетъ, онъ пожалѣлъ его и далъ монастырю три золотыхъ, чтобы купили осла и освободили льва отъ работы. Черезъ нѣкоторое время купецъ, который взялъ осла, шелъ опять съ верблюдами во святой городъ Іерусалимъ. Онъ велъ съ собою и осла того. Когда онъ перешелъ рѣку Іорданъ, то его встрѣтилъ левъ, служащій святому. Звѣрь узналъ своего осла, зарычалъ отъ радости и подбѣжалъ къ нему. Купецъ, увидѣвъ льва, испугался и убѣжалъ. Левъ взялъ за уздечку осла. Вмѣстѣ съ тремя верблюдами, связанными между собою и нагруженными пшеницею, онъ, ревя отъ радости, привелъ свою находку къ старцу. Преподобный старецъ, тихо улыбаясь, сказалъ братьямъ: «Напрасно мы льва ругали, думая, что онъ съѣлъ осла». И назвалъ святой льва Іорданомъ. Съ этихъ поръ левъ часто приходилъ къ старцу, бралъ изъ его рукъ пищу и больше пяти лѣт прожилъ въ монастырѣ. Когда же преподобный отошелъ ко Господу, то, по Божьей воли, льва не было въ обители. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и сталъ искать вездѣ своего старца. Ученики Св. Герасима говорили льву: «Оставилъ насъ сиротами отецъ Герасимъ, отошелъ онъ ко Господу». Давали льву пищу, говоря: «Возьми, ѣшь». Левъ же не хотѣлъ и взглянуть на пищу. Онъ оглядывался по сторонамъ, ища любимаго старца, и скорбно рыкалъ. Монахи гладили его, утѣшали, говоря: «Ушелъ къ Господу нашъ старецъ». Но не могли они утѣшить скорбящаго льва. И чемъ больше старались они утѣшить льва, тѣмъ больше рыкалъ и стоналъ отъ печали преданный старцу звѣрь. Тогда одинъ изъ монаховъ обители Св. Герасима, отецъ Савватій, сказалъ льву: «Если ты не вѣришь — пойдемъ на могилу старца». И привелъ отецъ Савватій льва на могилу преподобного. Отецъ Савватій всталъ на колѣни на могилѣ святого и заплакалъ. Левъ же, увидѣвъ плачущаго отца, сталъ биться головою о землю, громко рыдая. Рыкнувъ сильно, онъ умеръ на гробницѣ святаго, которого такъ любилъ. Такъ Господь послѣ смерти великаго старца прославилъ его и показалъ, какъ въ раю Адаму, до его грѣхопаденія, покорно и съ любовью служили дикіе звѣри. Изъ этого разсказа видно, какъ преподобный Герасимъ угодилъ Богу. Онъ перешелъ въ вѣчную, блаженную жизнь, гдѣ, живя со святыми, славитъ Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

Страданія преподобномученика Конона съ сыномъ его Конономъ.

Марта 6-го.

Во время Авриліана-мучителя въ Иконійскомъ городѣ жилъ человѣкъ Божій по имени Кононъ. Онъ и жена его молили Бога, чтобы Господь послалъ имъ сына. Милосердный услышалъ ихъ молитву и далъ имъ дитя. Мать послѣ рожденія сына отошла ко Господу. Младенца крестили и въ честь отца назвали Конономъ. Отецъ же сталъ день и ночь молиться Богу. Когда сыну его исполнилось семь лѣтъ, онъ роздалъ все свое имѣніе нищимъ, взялъ съ собою отрока своего и ушелъ въ монастырь. Господь послалъ ему такую благодать, что онъ слѣпымъ давалъ зрѣніе, больныхъ исцѣлялъ и творилъ другія, великія чудеса. Такъ, однажды, рѣка, которая протекала въ этой странѣ, весною вышла изъ береговъ и потопила нивы, сады и дома, селенія многія. Весь народъ страны Иконійской поспѣшилъ къ Божію человѣку, припалъ къ его ногамъ и просилъ: «Помоги намъ, рабъ Божій, рѣка потопляетъ насъ!» Блаженный Кононъ отвѣтилъ: «Я, братья, человѣкъ грѣшный. Что я могу сдѣлать?» Однако весь народъ неотступно просилъ святаго. Тогда святой Кононъ смиренно помолился, и сейчасъ же рѣка раздѣлилась на двѣ части. Часть воды потекла назадъ, а часть пошла своимъ путемъ. Народъ прославилъ Господа и Его угодника — св. Конона. Вода, которая потекла назадъ, залила верхнія деревни, и народъ этихъ селеній пришелъ къ св. Конону просить помочь имъ. Тогда блаженный подошелъ къ рѣкѣ, перекрестилъ ее и сказалъ: «Слушайся Бога, рѣка, не потопляй деревень!» И рѣка послушалась и тихо потекла, не изливаясь изъ своихъ береговъ.

О святомъ Кононѣ узналъ начальникъ Домитіанъ. Велѣлъ онъ привести къ себѣ Божія человѣка. «Радуйся, благородный старецъ, — улыбаясь, привѣтствовалъ его Домитіанъ. Лицо твое свѣтло и глаза сіяютъ, какъ звѣзды, — мнѣ сказали, что ты христіанинъ, а я этому не вѣрю.» Тогда святой сталъ Домитіану разсказывать о Господѣ, о радости праведныхъ людей и о мукѣ, которая ожидаетъ послѣ смерти грѣшниковъ, не вѣрующихъ въ сына Божія. Домитіанъ, узнавъ, что Кононъ вѣруетъ во Христа, разгнѣвался и повелѣлъ мучить святого. Святой отвѣчалъ, что онъ не страшится мукъ за Христа. «Есть-ли у тебя сынъ?» — спросилъ Домитіанъ, — «Да, есть, онъ остался въ моей келіи». «Поклоняется ли онъ нашимъ богамъ?», — спросилъ князь. «Каково дерево — таковы и вѣтви — сказалъ мученикъ. Онъ, какъ и я — христіанинъ. Молю тебя, пошли за нимъ. Мы вмѣстѣ умремъ за Христа». Привели молодого Конона. «Сколько лѣтъ твоему сыну?» — спро-

силъ Домитіанъ. «Семи лѣтъ я его привелъ въ монастырь. Двѣнадцати онъ сдѣлался чтецомъ церковнымъ. Теперь ему семнадцатый годъ, и онъ уже дьяконъ. Не медли долго: прикажи насъ замучить, чтобы мы вмѣстѣ получили мученическій вѣнецъ за Христа Бога Нашего». Князь сталъ уговаривать юного Конона отказаться отъ Христа, но святой твердо сказалъ: «Хочу умереть вмѣстѣ съ отцемъ, чтобы съ нимъ быть живымъ въ Царствѣ Владыки Нашего». И сталъ Домитіанъ жестоко мучить отца и сына. И огнемъ ихъ палили, и въ чанъ мѣдный, полный кипящаго олова, сѣры и смолы, бросали. Но Богъ помогалъ святымъ мученикамъ, и они оставались невредимыми. Наконецъ, ихъ перепилили деревянною пилою. Передъ ихъ кончиною послышался съ небесъ Божій голосъ, призывающій ихъ въ рай. Когда ихъ души принялъ Господь, потряслася земля, рухнули идольскіе храмы, и Домитіанъ въ страхѣ убѣжалъ въ свой домъ. Изъ монастыря пришли братья и взяли святыя тѣла мучениковъ и перенесли ихъ въ монастырь. И погребли съ ароматами, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога, отъ всей твари славимаго во вѣки. Аминь.

Страданія сорока святыхъ мучениковъ, въ Севастіи Армянской умученныхъ.

Марта 9-го.

Когда царствовалъ нечестивый царь Лукіанъ въ странѣ Арменской, въ гор. Севастіи жилъ воевода Агриколай. Онъ повелѣлъ сорока храбрымъ воинамъ-христіанамъ принести жертву богамъ. Но святые воины отказались, и Агриколаї велѣлъ ихъ бросить въ темницу. Воины всю ночь молились Богу и пѣли псалмы. Въ полночь послышался съ неба голосъ Божій: «Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ» Такъ Господь сказалъ имъ, что если они вытерпятъ мученія, то войдутъ въ небесное царство. Воины испугались и обрадовались. Они до утра молились. Снова Агриколай велѣлъ привести къ себѣ сорокъ мучениковъ и опять приказалъ принести жертву богамъ, но они опять отказались, и ихъ отвели въ темницу. Святые воины, возлюбивъ Господа, не хотѣли угодить нечестивому царю, а рѣшили претерпѣть муки за Царя Небеснаго. Черезъ семь дней князь Лисій прибылъ въ Севастію и велѣлъ привести сорокъ святыхъ воиновъ. Князь сказалъ имъ: «Или поклонитесь богамъ, или вы будете замучены». Храбрые Христовы воины предпочли умереть за Господа. Князь и воеводы повелѣли всѣхъ святыхъ сорокъ мучениковъ, связанныхъ, вести къ озеру. Былъ лютый морозъ съ большимъ вѣтромъ. Воиновъ, нагихъ, поставили посреди озера. Приближался вечеръ. Сторожъ

темничный остался стеречь св. мучениковъ. На берегу озера нарочно приготовили теплую баню, чтобы если кто-либо изъ воиновъ пожелалъ принести жертву богамъ, то могъ бы, выйдя изъ ледяной воды, согрѣться въ теплой банѣ. Въ часъ ночи тѣла мучениковъ стали распадаться отъ страшнаго мороза. Одинъ изъ нихъ не смогъ терпѣть мукъ. Онъ вышелъ изъ воды и побѣжалъ въ баню. Но только его нога коснулась порога бани, только воина обдало теплымъ воздухомъ, — какъ онъ тотчасъ же умеръ. Въ третій часъ ночи блеснулъ свѣтъ съ неба, точно солнечный, и такой же теплый, какъ во время жатвы. Морозъ прошелъ, ледъ распался. Согрѣлась вода. Темничный стражъ услышалъ, какъ святые молятся Богу. И подумалъ сторожъ: «Вотъ прибѣжавшій въ баню умеръ отъ теплоты, а эти воины еще живы въ ледяной водѣ». Вдругъ онъ увидѣлъ свѣтъ, осіявшій святыхъ мучениковъ. Онъ посмотрѣлъ на небо и увидѣлъ тридцать девять свѣтлыхъ вѣнцовъ, спускающихся съ неба на головы мучениковъ. Онъ подумалъ: «Не сорокъ-ли страждущихъ? Почему нѣтъ сорокового вѣнца, но только тридцать девять?» Онъ понялъ, что убѣжавшій въ баню не получилъ небеснаго вѣнца. Тогда онъ разбудилъ другихъ сторожей, снялъ одежды свои и нагимъ вскочилъ въ озеро, восклицая: «И я христіанинъ!» Онъ сталъ среди мучениковъ и прославлялъ Господа Іисуса Христа.

Утромъ пришли мучители и нашли святыхъ воиновъ не замерзшими, и вода была теплая. Удивились они, увидѣвъ темничного сторожа въ водѣ. Другіе сторожа разсказали, какъ ночью, увидѣвъ свѣтъ небесный, онъ воскликнулъ: «Я христіанинъ!» — и бросился въ воду. Мучитель приказалъ вывести святыхъ воиновъ изъ озера и перебить имъ ноги тяжелыми молотками. Били святыхъ мучениковъ, а они прославляли Господа и радовались, предавая свои чистыя души въ руки Божіи. Къ одному еще совсѣмъ молодому мученику, св. Мелитону, пришла благочестивая мать и говорила: «О, сладчайшій мой сынъ, потерпи еще немного. Не бойся, дитя мое, Христосъ здѣсь стоитъ и помогаетъ тебѣ». Когда всѣ святые предали души свои въ руки Божіи, молодой воинъ Мелитонъ еще былъ живъ. Мучитель велѣлъ убрать тѣла святыхъ, чтобы сжечь ихъ. Оставили одного Мелитона, едва дышащаго. Но его благочестивая мать, увидѣвъ, что онъ остается одинъ, сама взяла на плечи своего возлюбленнаго сына и понесла его къ тѣламъ мучениковъ, чтобы и онъ былъ сожженъ вмѣстѣ съ ихъ святыми тѣлами. Св. Мелитонъ, когда мать несла его, радуясь отошелъ ко Господу. Тѣла мучениковъ сожгли, а кости ихъ бросили на дно рѣки. Черезъ три дня святые мученики явились къ Епископу города Севастіи, блаженному Петру, и сказали: «Приди ночью и вынеси насъ изъ рѣки». Темной ночью епископъ съ

другими христіанами пошелъ къ рѣкѣ, и увидѣли всѣ на днѣ рѣки кости святыхъ, сіяющія, какъ звѣзды. Епископъ собралъ кости мучениковъ и положилъ ихъ въ святомъ мѣстѣ.

Нынѣ свѣтлыя души воиновъ Христовыхъ въ радости прославляютъ въ раю Царя своего Небеснаго, Господа Нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Св. Духомъ слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

СТІХЪ О ЛѢСТВИЦѢ.

На ст҃ой горѣ сїна́йской, ѿ земли̑ до двéри ра́йской, лѣ́ствица стои́тъ.

Ка́къ взойти̑ по тѣ́мъ степе́нямъ ѿ земли̑ къ небе́снымъ сѣ́нямъ, кто̀ на́мъ возвѣсти́тъ;

То́кмѡ мꙋ́жъ вельми̑ разꙋ́менъ, се́й сїна́йскїй є҆́сть и҆гꙋ́менъ, преп҃ѣ́бный і҆ѡа́ннъ.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на пе́рвый степе́нь;

И҆́же мі́ра ѿрече́тсѧ, во хр҃та́ же ѡ҆блече́тсѧ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на вторы́й степе́нь;

И҆́же бꙋ́детъ безпристра́стенъ, и҆ сожже́тъ всѧ́къ по́мыслъ хвра́стенъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на тре́тїй степе́нь;

И҆́же мі́ра ѹ҆клони́тсѧ, сѧ сꙋето́ю распрости́тсѧ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на четве́ртый степе́нь;

Послꙋша́нїе стѧжа́вый, покори́вый не лꙋка́вый, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на пѧ́тый степе́нь;

Покаѧ́нїе прине́сшїй, и҆ за грѣ́хъ сво́й трꙋ́дъ поне́сшїй, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на шестый степе́нь;

Па́мѧть сме́ртнꙋю и҆мѣ́ѧй, николи́же ѕло́е дѣ́ѧй, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы́ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на седмы́й степе́нь;

Ѩ҆же пла́четъ ᲂу҆мили́ннѡ, сокрꙋша́сь поще́нѡ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы́ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на ѻ҆смы́й степе́нь;

Ѩ҆же кро́токъ и҆ безгнѣ́венъ, преподо́бенъ и҆ смире́ненъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на девѧ́тый степе́нь;

Па́мѧть ѕло́бы кто̀ ѿри́нꙋ, ѡ҆ благи́хъ же по́мнитъ ры́нꙋ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ, О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на десѧ́тый степе́нь;

Клеветѣ̀ не повлежа́щїй, и҆ ѕлосло́вїѧ бѣжа́щїй, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на пе́рвый на́десѧть степе́нь;

Ѩ҆же мно́гѡ не глаго́летъ, но въ молча́ньи бг҃а мо́литъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на вторы́й на́десѧть степе́нь;

Кто̀ ѧ҆зы́къ сво́й ᲂу҆держа̀, и҆ ѥ҆мꙋ́же ме́рзость лжа̀, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на тре́тїй на́десѧть степе́нь;

Кто̀ къ моли́твѣ не лѣни́тсѧ, и҆ ᲂу҆ны́нїѧ храни́тсѧ мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ, О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на четве́ртый на́десѧть степе́нь;

Могі́й чре́во ѡ҆бꙋзда́ти, и҆́бо чре́во сла́сти ма́ти, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на пѧ́тый на́десѧть степе́нь;

Цѣломꙋ́дръ дꙋше́й и҆ тѣ́ломъ, помышле́нїемъ и҆ дѣ́ломъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на шестый на́десѧть степе́нь;

Ѩ҆же бг҃а возлюби́въ нѣ́сть ктомꙋ̀ сребролюби́въ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ О҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на седмы́й на́десѧть степе́нь;

Ꙗ҆же бѣгаетъ стѧжа́нїѧ, и҆ і҆ꙋдѣ̀ подража́нїѧ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на ѻ҆́смый на́десѧть степе́нь;

Не нечꙋ́вственъ, ꙗ҆́ки ка́мень, но горѧ́щїй, ꙗ҆́кѡ пла́мень, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на дева́тый на́десѧть степе́нь;

Ꙗ҆́же пѣ́нїю прилежи́тъ, ма́лѡ на ѻ҆дрѣ̀ лежи́тъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на двадесѧ́тый степе́нь;

Ꙗ҆́же въ бдѣ́нїихъ трезви́тсѧ, сна̀ грѣхо́внагѡ бои́тсѧ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть пе́рвый степе́нь;

Кто̀ бѣсо́вскихъ страхова́нїй не бои́тсѧ, ка́къ мечта́нїй, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть вто́рый степе́нь;

Сла́вы тщетно́й кто̀ бои́тсѧ, николи́же ѿтщети́тсѧ, и҆ восхо́дитъ на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть тре́тїй степе́нь;

Ꙗ҆́же го́рдость ѿложи́тъ, и҆ смире́нїю прилежи́тъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ, ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть четве́ртый степе́нь;

Ꙗ҆́же кро́токъ и҆ незло́бивъ, про́стъ и҆ немногоглаго́ливъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть пѧ́тый степе́нь;

Кто̀ смиреномꙋ́дрый бꙋ́детъ, въ добродѣ́тели пребꙋ́детъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да достойни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть шестый степе́нь;

Кто̀ ѿпа́снѡ разꙋжда́етъ, и҆ бл҃го́е и҆збира́етъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ твори́ти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть седмый степе́нь;

Кто̀ безмо́лвенъ пребыва́етъ, бг҃а при́снѡ ᲂу҆молѧ́етъ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ творѝти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть ѻ҆́смый степе́нь;

Совершенъ кто̀ сый въ моли́твѣ, безшпа́сенъ ѿ ловитвы, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ, ѻ҆́тче, что̀ творѝти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на два́десѧть девѧ́тый степе́нь;

На безстра́стїѧ вершинꙋ кто̀ возше́лъ, преплы́въ пꙋчинꙋ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, что̀ творѝти, да досто́йни бꙋ́демъ взы́ти на тридесѧ́тый степе́нь;

Ѩ҆́же въ вѣ́рꙋ и҆ наде́ждꙋ ѡ҆блече́тсѧ, ка́къ въ оде́ждꙋ, мо́жетъ взы́ти на́нь.

Рцы̀ на́мъ ѻ҆́тче, рцы̀ нело́жнѡ, ка́кѡ е҆́сть войти̇̀ возмо́жнѡ въ ра́мъ небе́сный ра́й;

Кто̀ любо́вь всю̀ прїѡбрѧ́щетъ, самаго̀ х҃та̀ въ не́й срѧ́щетъ, и҆ желанїй кра́й,

Се́й прїи́детъ въ соверше́нство, въ безконе́чное блже́нство, и҆ въ небе́сный ра́й.

Д. А.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О покаяніи.

Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе! покайтеся: приближися бо царствіе небесное (Марк. I, 15. Слич. Матѳ. IV, 17). Таковы были первыя слова проповѣди Богочеловѣка. эти же слова доселѣ произноситъ Онъ намъ при посредствѣ Евангелія.

Когда грѣхъ наиболѣе усилился въ мірѣ, — низшелъ всесильный Врачъ въ міръ. Онъ низшелъ въ страну изгнанія, въ страну томленій и страданій нашихъ, предшествующихъ вѣчному мученію въ адѣ, безъ всякаго изъятія. **Покайтеся!**

Сила покаянія основана на силѣ Божіей: Врачъ всемогущъ, — и врачевство, подаваемое Имъ, всемогуще.

Тогда — во время проповѣди Своей на землѣ — Господь призывалъ къ исцѣленію всѣхъ болѣзнующихъ грѣхомъ, не призналъ никакого грѣха неисцѣлимымъ. И теперь Онъ продолжаетъ призывать всѣхъ, обѣщаетъ и даруетъ прощеніе всякаго грѣха, исцѣленіе всякаго грѣховнаго недуга.

О, странники земные! о, вы всѣ, стремящіеся или влекущіеся по широкому пути, при неумолкающемъ шумѣ земныхъ попеченій, развлеченій и увеселеній, по цвѣтамъ, перемѣшаннымъ съ колючимъ терніемъ, спѣшащіе по этому пути къ концу, всѣмъ извѣстному и всѣми забываемому — къ мрачному гробу, къ еще болѣе мрачной и страшной вѣчности, остановитесь! Отряхните обаяніе міра, постоянно содержащее васъ въ плѣну! Прислушайтесь къ тому, что возвѣщаетъ вамъ Спаситель, обратите должное вниманіе на слова Его! **Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе,** говоритъ Онъ вамъ, **покайтеся: приближися бо царствіе небесное.**

Крайне нужно вамъ, земные странники, обратить полное вниманіе на это существенно полезное, спасительное увѣщаніе: иначе вы достигнете гроба, достигнете прага и вратъ вѣчности, не стяжавъ никакого правильнаго понятія ни о вѣчности, ни объ обязанностяхъ вступающаго въ нее, приготовивъ себѣ въ ней однѣ справедливыя казни за ваши грѣхи. Тягчайшій изъ грѣховъ — невниманіе къ словамъ Спасителя, пренебреженіе Спасителемъ. **Покайтеся!**

Льстивъ, обманчивъ путь земной жизни: для начинающихъ онъ представляется безконечнымъ поприщемъ, исполненнымъ дѣйствительности; для совершившихъ его — путемъ самымъ краткимъ, обставленнымъ пустыми сновидѣніями. **Покайтеся!**

И славу, и богатство, и всѣ прочія тлѣнныя пріобрѣтенія и преимущества, на стяжаніе которыхъ употребляетъ всю земную жизнь, всѣ силы души и тѣла, ослѣпленный грѣшникъ, онъ долженъ оставить въ тѣ минуты, въ которыя насильственно снимается съ души одежда ея — тѣло, когда душа ведется неумолимыми ангелами на судъ праведнаго Бога, ей невѣдомаго, пренебреженнаго ею. **Покайтеся!**

Трудятся, торопятся люди обогатить себя познаніями,но только познаніями маловажными, годными лишь для времени, способствующими для удовлетворенія нуждамъ, удобствамъ и прихотямъ земной жизни. Познаніе и дѣло, существенно нужныя, для которыхъ единственно дарована намъ земная жизнь — познаніе Бога и примиреніе съ Нимъ при посредствѣ Искупителя — мы вполнѣ призираемъ. **Покайтеся!**

Братія! Всмотримся безпристрастно, при свѣтѣ Евангелія, въ земную жизнь нашу. Она ничтожна! всѣ блага ея отнимаются смертію, а часто и гораздо раньше смерти различными неожиданными обстоятельствами. Недостойны эти тлѣнныя, такъ скоро исчезающія блага, называться благами! Скорѣе они — обманы, сѣти. Увязающіе въ этихъ сѣтяхъ, и опутывающіеся ими, лишаются истинныхъ, вѣчныхъ, небесныхъ, духовныхъ благъ, доставляемыхъ вѣрою во Христа и послѣдованіемъ Ему по таинственному пути жительства евангельскаго. **Покайтеся!**

Въ какомъ мы страшномъ ослѣпленіи! Какъ очевидно доказывается этимъ ослѣпленіемъ наше паденіе! Мы видимъ смерть нашихъ

братій; мы знаемъ, что и намъ непремѣнно и, можетъ быть, очень скоро предлежитъ она, потому что никто изъ человѣковъ не остался навсегда на землѣ; мы видимъ, что многимъ, и прежде смерти, измѣняетъ земное благополучіе, что превращается оно часто въ злополучіе, похожее на ежедневное вкушеніе смерти. Не смотря на это, столько явное свидѣтельство самаго опыта, мы гоняемся за одними временными благами, какъ бы за постоянными, за вѣчными. На нихъ однихъ обращено все наше вниманіе! забытъ Богъ! забыта величественная и вмѣстѣ грозная вѣчность! **Покайтеся!**

Измѣнять, братія, непременно измѣнять намъ всѣ тлѣнныя блага: богачамъ измѣнитъ ихъ богатство, славнымъ ихъ слава, юнымъ ихъ юность, мудрецамъ ихъ мудрость. Только одно вѣчное, существенное благо можетъ стяжать человѣкъ во время странствованія земнаго: истинное Богопознаніе, примиреніе и соединеніе съ Богомъ, даруемыя Христомъ. Но для полученія этихъ верховныхъ благъ, надо оставить жизнь грѣховную, надо возненавидѣть ее. **Покайтеся!**

Покайтеся! Что значитъ покаяться? значитъ: сознаться, раскаяться въ грѣхахъ своихъ, оставить грѣхи свои — отвѣчалъ нѣкоторый великій святый Отецъ на такой вопросъ — и уже болѣе не возвращаться къ нимъ *). Такимъ образомъ многіе грѣшники претворились въ святыхъ, многіе беззаконники въ праведниковъ.

Покайтеся! отвергните отъ себя не только явные грѣхи — убійство, грабительство, блудъ, клевету, ложь, но и пагубныя развлеченія, и наслажденія плотскія, и мечтанія преступныя, и помышленія беззаконныя — все, все, воспрещаемое Евангеліемъ. Прежнюю грѣховную жизнь омойте слезами искренняго раскаянія.

Не скажи самъ себѣ въ уныніи и разслабленіи душевномъ: «я впалъ въ тяжкіе грѣхи; я стяжалъ долговременною грѣховною жизнію грѣховные навыки: они обратились отъ времени какъ бы въ природныя свойства, сдѣлали для меня покаяніе невозможнымъ» **). Эти мрачныя мысли внушаетъ тебѣ врагъ твой, еще не примѣчаемый и не понимаемый тобою ***): онъ знаетъ могущество покаянія, онъ боится, чтобъ покаяніе не исторгло тебя изъ его власти, — и старается отвлечь тебя отъ покаянія, приписывая Божію всемогущему врачевству немощь.

Установитель покаянія — Творецъ твой, создавшій тебя изъ ничего. Тѣмъ легче Онъ можетъ возсоздать тебя, претворить твое сердце: содѣлать сердце Боголюбивое изъ сердца грѣхолюбиваго, содѣлать сердце чистое, духовное, святое, изъ сердца чувственнаго, плотскаго, злонамѣреннаго, сладострастнаго.

Братія! познаемъ неизреченную любовь Божію къ падшему человѣческому роду. Господь вочеловѣчился, чтобъ чрезъ вочеловѣченіе содѣлать для Себя возможнымъ принятіе на Себя казней, заслужен-

---

*) Пименъ Великій. Смотри Патерикъ Скитскій.

) *) Преподобный Макарій Великій. Слово 7, гл. 2.

ныхъ человѣками, и казнію Всесвятаго искупить виновныхъ отъ казни. Что привлекло Его къ намъ сюда, на землю, въ страну нашего изгнанія? Правды ли наши? Нѣтъ! Его привлекло къ намъ то бѣдственное состояніе, въ которое ввергла насъ наша грѣховность.

Грѣшники! ободримся. Для насъ, именно для насъ, Господь совершилъ великое дѣло своего вочеловѣченія; на наши болѣзни призрѣлъ Онъ съ непостижимою милостію. Престанемъ колебаться! престанемъ унывать и сомнѣваться! Исполненные вѣры, усердія и благодарности приступимъ къ покаянію: посредствомъ его примиримся съ Богомъ. **Беззаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди Моя, и сотворитъ судъ, правду и милость, жизнію поживетъ, и не умретъ: вся согрѣшенія его, елика сотворилъ, не помянутся ему, но въ правдѣ своей, юже сотворилъ, живъ будетъ.** Такое обѣтованіе даетъ Богъ грѣшнику, устами Своего великаго пророка (Іезек. XVIII, 21 22).

Будемъ сооотвѣтствовать, по нашимъ слабымъ силамъ, великой любви къ намъ Господа, какъ могутъ соотвѣтствовать любви Создателя Его твари, и твари падшія: покаемся! Покаемся не одними устами; засвидѣтельствуемъ наше покаяніе не однѣми немногими, кратковременными слезами, не однимъ наружнымъ участіемъ въ церковномъ Богослуженіи, въ исполненіи церковныхъ обрядовъ, чѣмъ довольствовались фарисеи. Принесемъ вмѣстѣ со слезами, съ наружнымъ благочестіемъ, и плодъ достойный покаянія: измѣнимъ жизнь грѣховную на жизнь евангельскую.

Вскую умираете, доме израилевъ! (Іезек. XVIII, 31). Зачѣмъ вы гибнете, христіане, отъ грѣховъ вашихъ вѣчною смертію? зачѣмъ наполняется вами адъ, какъ бы не было установлено въ церкви Христовой всемогущаго покаянія? Данъ этотъ безконечно благій даръ дому израилеву — христіанамъ — и въ какое бы ни было время жизни, какіе бы ни были грѣхи, онъ дѣйствуетъ съ одинаковою силою: очищаетъ всякій грѣхъ, спасаетъ всякаго, прибѣгающаго къ Богу, хотя бы то было въ послѣднія предсмертныя минуты.

Вскую умираете, доме израилевъ! Отъ того окончательно гибнутъ христіане вѣчною смертію, что во все время жизни земной занимаются однимъ нарушеніемъ обѣтовъ крещенія, однимъ служеніемъ грѣху, они гибнутъ отъ того, что не удостоиваютъ ни малѣйшаго вниманія Слово Божіе, возвѣщающее имъ о покаяніи. Въ самыя предсмертныя минуты они не умѣютъ воспользоваться всемогущею силою покаянія! Не умѣютъ воспользоваться, потому что не получили о христіанствѣ никакого понятія, или получили понятіе самое недостаточное и сбивчивое, которое должно быть названо скорѣе полнымъ незнаніемъ, нежели какимъ нибудь познаніемъ.

Живу Азъ, глаголетъ Господь — какъ бы вынужденный усилить увѣреніе предъ невѣрующими, и возбудить вниманіе въ невнимающихъ — **живу Азъ, глаголетъ Господь: не хощу смерти грѣш-**

никъ, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему (Іезек. XXXIII, 11)... **Вскую умираете, доме израилевъ?...**

Вѣдалъ Богъ немощь человѣковъ, вѣдалъ, что они и по крещеніи будутъ впадать въ согрѣшенія: по этой причинѣ Онъ установилъ въ Церкви своей таинство покаянія, которымъ очищаются грѣхи, совершенные послѣ крещенія. Покаяніе должно сопутствовать вѣрѣ во Христа, предшествовать крещенію во Христа; а послѣ крещенія оно исправляетъ нарушеніе обязанностей увѣровавшаго во во Христа и крестившагося во Христа.

Когда многіе изъ Іерусалима и всей Іудеи сходились къ Іоанну, проповѣднику покаянія, на Іорданъ для крещенія: то исповѣдывали ему грѣхи свои, — исповѣдывали не потому, замѣчаетъ нѣкоторый святый Писатель*), чтобъ святый Креститель имѣлъ нужду знать согрѣшенія приходившихъ къ нему, но потому, что для прочности ихъ покаянія нужно было соединить съ чувствами сожалѣнія о впаденіи въ грѣхи исповѣданіе грѣховъ.

Душа, знающая, что она обязана исповѣдать грѣхи свои — говоритъ тотъ же святый Отецъ, — этою самою мыслію, какъ бы уздою, удерживается отъ повторенія прежнихъ согрѣшеній: напротивъ того неисповѣданные грѣхи, какъ бы совершенные во мракѣ, удобно повторяются.

Исповѣдываніемъ грѣховъ расторгается дружба съ грѣхами. Ненависть къ грѣхамъ — признакъ истиннаго покаянія, — рѣшимости вести жизнь добродѣтельную.

Если ты стяжалъ навыкъ къ грѣхамъ, то учащай исповѣдь ихъ, — и вскорѣ освободишься изъ плѣна грѣховнаго, легко и радостно будешь послѣдовать Господу Іисусу Христу.

Кто постоянно предаетъ друзей своихъ, тому друзья дѣлаются врагами, удаляются отъ него, какъ отъ предателя, ищущаго ихъ вѣрной погибели: кто исповѣдуетъ грѣхи свои, отъ того отступаютъ они, потому что грѣхи основываются и крѣпятся на гордости падшаго естества, не терпятъ обличенія и позора.

Кто въ надеждѣ на покаяніе позволяетъ себѣ согрѣшать произвольно и намѣренно: тотъ поступаетъ въ отношеніи къ Богу коварно. Грѣшащаго произвольно и намѣренно, въ надеждѣ на покаяніе, поражаетъ неожиданно смерть, и не дается ему времени, которое онъ предполагалъ посвятить добродѣтели (Исаакъ Сирскій. Слово 90).

Таинствомъ исповѣди рѣшительно очищаются всѣ грѣхи, содѣланные словомъ, дѣломъ, помышленіемъ. Для того, чтобъ изгладить изъ сердца навыки грѣховные, вкоренившіеся въ него долгимъ временемъ, нужно время, нужно постоянное пребываніе въ покаяніи. Постоянное покаяніе состоитъ въ постоянномъ сокрушеніи духа, въ

---

*) Святый Іоаннъ Лѣствичникъ. Слово 4.

борении съ помыслами и ощущеніями, которыми обнаруживаетъ себя сокровенная въ сердцѣ грѣховная страсть, въ обузданіи тѣлесныхъ чувствъ и чрева, въ смиренной молитвѣ, въ частой исповѣди.

Братія! мы потеряли произвольнымъ грѣхомъ святую непорочность, неприкосновенную не только дѣлу грѣховному, но и познанію зла, — непорочность, въ духовномъ сіяніи которой мы явились въ бытіе изъ рукъ Создателя. Мы потеряли и ту непорочность, которую получили при возсозданіи крещеніемъ; мы запятнали на пути жизни различными грѣхами наши ризы, убѣленныя Искупителемъ. Осталась намъ еще одна вода для омовенія — вода покаянія. Что будетъ съ нами, когда мы пренебрежемъ и этимъ омовеніемъ? Придется намъ предстать Богу съ душами, обезображенными грѣхомъ, — и грозно воззритъ Онъ на душу оскверненную, осудитъ ее въ огнь геенны.

Измыйтеся, говоритъ Богъ грѣшникамъ: **и чисти будите, отъимете лукавство отъ душъ вашихъ предъ очима Моима, престаньте отъ лукавствъ вашихъ. И пріидите и стяжемся.** Чемъ же оканчивается этотъ судъ Божій, судъ покаянія, на который Богъ непрестанно призываетъ грѣшника, во время его земной жизни? Когда человѣкъ сознаетъ грѣхи свои, рѣшится на искреннее покаяніе и исправленіе: то рѣшаетъ Богъ судъ Свой съ человѣкомъ слѣдующимъ рѣшеніемъ: **Аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, аще будутъ яко червленное, яко волну убѣлю** (Исаіи I, 16, 18).

Если же христіанинъ окажетъ пренебреженіе къ этому послѣднему, многомилостивому призванію Божію: то возвѣщается ему отъ Бога окончательная погибель. **Благость Божія,** говоритъ Апостолъ, **на покаяніе тя ведетъ** (Рим. II, 4-9). Богъ видитъ твои согрѣшенія: Онъ долготерпѣливо взираетъ на согрѣшенія, совершаемыя тобою подъ взорами Его, на цѣпь согрѣшеній, изъ которыхъ сложилась вся жизнь твоя; Онъ ожидаетъ твоего покаянія, и вмѣстѣ предоставляетъ твоему свободному произволенію избраніе спасенія или погибели твоихъ. И благостію и долготерпѣніемъ Божіимъ ты злоупотребляешь! Нѣтъ въ тебѣ исправленія! Нерадѣніе твое усиливается! Усиливается въ тебѣ пренебреженіе и къ Богу и къ твоей собственной, вѣчной участи! Ты заботишься только о умноженіи грѣховъ твоихъ, прилагаешь къ прежнимъ согрѣшеніямъ согрѣшенія новыя и сугубыя! **По жестокости твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго Божія суда,** на которомъ воздается **коемуждо по дѣломъ его; овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный; а иже по рвенію противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ. Скорбь вѣчная и тѣснота вѣчная на всяку душу человѣка, творящаго злое** (Рим. II, 4-9). Аминь.